

Орфинская, Л. В. Российские пенитенциарные учреждения во время революционных событий 1905—1907 гг. / Л. В. Орфинская // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск, 2008. — Вып. 3. – С. 114–120.

Л. В. Орфинская

РОССИЙСКИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1905—1907 гг.

Тюремное заключение, являясь видом лишения свободы в Российской империи, как и в любой другой стране, выступало достаточно массовым явлением, будучи, с одной стороны, средством изоляции от общества социально опасных элементов, с другой — инструментом государственной внутренней политики. В дореволюционной России места заключения являлись своего рода символами царских репрессий. Однако если отбросить публицистическую риторику, то нельзя не увидеть, что в России пенитенциарная система по мере своего развития претерпевала изменения и эволюционировала в том же направлении, что и во всем мире. Особенно это стало явным в начале XX в., когда российская политическая система в целом начала нелегкий и противоречивый путь по направлению к парламентаризму. В России существовало развитое карательное законодательство¹, формировались механизмы противовесов и сдерживания административного бюрократического произвола в виде института адвокатуры, передового общественного мнения и публичного обсуждения и критики изъятий пенитенциарной системы.

События 1905—1907 гг. затронули все сферы общественной жизни. Как известно, процесс эскалации социально-политического возбуждения в обществе в условиях кризиса власти вызывает девиантное поведение части населения, что влияет на криминогенную обстановку. Конец 1905 г. ознаменовался быстрым ростом преступности. Политические увлечения, нередко переходившие грань здравого смысла, находили развязку за тюремной решеткой. 1906 г. — год голода и аграрных беспорядков для многих регионов империи, год экономических потрясений, вызванных последствиями войны с Японией. Эти события всколыхнули весь уклад жизни русского общества и выбросили на тот берег, к которому привели и неумеренные политические вождения, множество уголовников: безработных, хулиганов, экспроприаторов, террористов и прочих. Революционные события разбудили уголовную преступность, которая увидела в революционном движении ослабление сдерживавшей силы государства, препятствовавшей ее развитию. Способствовала этому революционная литература, утверждавшая социальную обусловленность преступности.

В области тюремной статистики это движение нашло весьма ясное отражение. На 1 января 1905 г. в тюрьмах гражданского ведомства содержалось арестантов всех ка

---

¹ Например, закон от 27 февраля 1879 г. об образовании при Министерстве внутренних дел Главного тюремного управления, закон от 11 декабря того же года «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и пересмотре Уложения о наказаниях», Устав о содержащихся под стражею 1890 г., закон от 13 декабря 1895 г., по которому Главное тюремное управление вошло в состав Министерства юстиции, Уголовное уложение 1903 г.

тегорий 80 885 человек, к 1 января 1906 г. численность заключенных увеличилась до 95 452 чел., к 1 января 1907 г. — до 125 298 чел., к 1 января 1908 г. — до 160 025 чел. и, наконец, к 1 января 1909 г. — до 180 206 чел. [1, с. 35]. Резкий скачок в численном составе арестантов между 1905 и 1906 гг. находится в тесной связи с царской амнистией, проведенной во второй половине 1904 г. по случаю рождения наследника. По сравнению с 1903 г., численность тюремного населения в 1905 г. понизилась более чем на 11 тыс. чел. [2, с. 270—271]. Однако в последующие три года она увеличилась почти в два раза. Причины столь значительного увеличения заключенных в эти годы представляются весьма сложными.

Одним из факторов, свидетельствующих о начавшемся противостоянии властям было увеличение организаций, цели которых, с точки зрения закона, не были легитимными. Если учесть то обстоятельство, что в России до октября 1905 г. не существовало свободы слова и собраний, то не только преследование политических целей, но и сам факт участия в какой бы то ни было организации был противозаконным и мог повлечь за собой применение определенных санкций со стороны правоохранительных органов. Готовность быть подверженным наказанию свидетельствовала о росте сознательности населения России, пришедшего к пониманию несправедливости существовавшего общественного порядка, оскорблявшего честь и достоинство людей. Отметим два фактора, придававшие значение политическому движению, как объекту государственного преследования. Первый, борьба с политическим террором, иногда совпадавшим с чисто уголовной преступностью. Второй, преследование за образ мыслей, не совпадавших с официальной идеологией, антиправительственную агитацию и церковное противостояние. Провокационные действия агентов правительственной власти также имели уголовно-побудительный характер

Для этого периода были характерны массовые политические судебные процессы. Так, 9—10 июля 1906 г. группа депутатов Первой Государственной думы в знак протеста против досрочного роспуска парламента провела в Выборге совещание и приняла «Выборгское воззвание»². Оно призывало население к пассивному сопротивлению и попирало Основные законы. Подписавшие были преданы суду в Петербурге в декабре 1907 г. — 167 подсудимых были приговорены к 3-месячному одиночному тюремному заключению. Среди осужденных, отбывавших наказание в Московской губернской тюрьме, известной под названием «Каменщиков», были председатель Государственной Думы С. А. Муромцев, бывший товарищ министра внутренних дел и земский деятель князь С. Д. Урусов, товарищ председателя Думы князь П. Долгоруков, профессор московского университета Г. Ф. Шершеневич, политический деятель и публицист В. П. Обнинский, опубликовавший тюремные заметки в Вестнике Европы, отмеченные критиками [3, с. 639—670].

---

² Текст воззвания был отпечатан в Финляндии, в виде листовки 10 июля 1906 г. на финском и русском языках тиражом 10 тыс. экземпляров. Перепечатка Выборгского воззвания российскими газетами каралась конфискацией их тиража, распространение листовок — арестом. 16 июля 1906 года против подписавших было возбуждено уголовное дело «за распространение в пределах России по предварительному между собой

уговору воззвания, призывающего население к противодействию закону и законным распоряжениям властей» по статье 51 и п. 3 части 1 статьи 129 Уголовного Уложения Российской империи 1903 г. См.: *Винавер М. М.* История Выборгского воззвания (воспоминания). Пг., 1917.

Расхождение Николая II с оппозиционерами способствовало введению военно-полевых судов [4, с. 291]. Правительство принимало все более жесткие меры против любых революционных выступлений, а эсеры, со своей стороны, усилили террор против представителей власти. Назначение И. Г. Щегловитова министром юстиции и генерал-прокурором в то время вызвало неоднозначную реакцию. У одних сдержанную, у других — откровенно враждебную. С. Ю. Витте называл это назначение самым ужасным. Известный публицист И. В. Гессен, хорошо знавший Щегловитова, также был невысокого мнения о нем, как о министре. Заняв этот пост в 1906 г., Щегловитов сразу же оказался в довольно трудном положении. Представители высшей власти требовали усиления репрессий, а Государственная Дума и общественное мнение настаивали на более широкой демократизации. Именно тогда появились военно-полевые суды. Это система была введена законом с 19 августа 1906 г. и продержалась 8 месяцев. Суть закона сводилась к 48-часовому ограничению проведения следственных и судебных процедур, включая приведение приговора в исполнение.

Революционные террористы вскоре дали свой ответ на это решение. В 1906—1908 гг. они организовали настоящую охоту на высших должностных лиц империи. Особенно ощутимый урон понесло Главное тюремное управление (далее ГТУ), входившее в состав министерства юстиции с 1895 г. Самым непримиримым противником правительства был Летучий боевой отряд партии эсеров, начавший жестокий террор. 17 января 1907 г. на Васильевском острове был убит начальник недавно открывшейся Временной (Дерябинской) тюрьмы Гудима; 13 августа 1907 г. — начальник Петербургской одиночной тюрьмы полковник Иванов; 15 октября 1907 г. — начальник ГТУ А. М. Максимовский, который пробыл в должности всего полтора года. 31 октября 1907 г. был учрежден фонд имени А. М. Максимовского для оказания помощи неимущим семьям служащих, пострадавших от тифа или террористических актов³. По данным министерства юстиции, только в 1907 г. от рук террористов погибло 140, и получили ранения 169 служащих тюремного ведомства [5, с. 31].

1906 г. выдался «голодным» для русского крестьянства, представлявшего основную массу тюремного населения. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить численность арестантов за 1905 и 1906 гг. в местностях, наиболее пострадавших от неурожая, а именно в Самарской и Херсонской губерниях. По данным отчетов ГТУ, среднесуточный состав заключенных в Самарской губернии исчислялся в 1905 г. — 817 чел., в 1906 г. — 1322 чел., в местах заключения Херсонской губернии (не считая градоначальств Одессы и Николаева) в 1905 г. содержалось 1305 чел., а в 1906 г. — 2030 чел. На увеличение тюремного населения не могли не повлиять также политические обстоятельства: возмущения войсковых частей, аграрные беспорядки, волна экспроприаций и погромов. Разочарование в Думе в среде общественности вызвало общую политическую и нравственную неустойчивость. Распространение в обществе всякого рода лжетолкований и слухов вызвало недоверие к государственной платежеспособности и общую неуверенность в прочности существовавших правоотношений. Порожденная народной темнотой и культурной недоразвитостью смутная надежда на избавление от всяких платежей, повинностей и сборов не могли не обус

³ Отчеты о деятельности фонда печатались в специальном журнале «Тюремный Вестник», который издавало ГТУ..

ловливать ослабление у населения стремления к сбережениям и развитие пьянства, как известно, постоянного спутника преступности.

Погромы черносотенцев и аграрные беспорядки, вспыхнувшие в октябре 1905 г., привели множество людей на скамью подсудимых. Царь неоднократно осуждал погромную тактику. Многие хулиганы были арестованы. Агитация черносотенцев имела большой успех среди темной крестьянской массы, тяжелое экономическое положение которой вследствие неурожая и русско-японской войны давало хорошую почву для пропаганды их идей. Непонятны для них были идеи социалистов, зато пропаганда черносотенцев была для крестьян вполне доступной. В это время крестьяне громили не только еврейские дома и лавки, но и хутора христиан и помещичьи имения [6; 7, с. 45—47; 8, с. 275; 9, с. 618—621]. Возможно, тут сказывалось крестьянское понимание революции как возможности громить и грабить всех богачей и эксплуататоров. Еврейские погромы в селах и деревнях бывали и раньше, они были вызваны экономическими причинами, но никогда погромы не приобретали столь массового характера, как в октябре 1905 г. Обострение политической обстановки в стране и ухудшение экономического положения крестьянства создало благоприятную среду для межнациональных конфликтов в селах и деревнях. Часть крестьян участвовала в погромах исключительно с целью обогащения за счет еврейского добра.

Реакция, пришедшая на смену революции, достигла своего апогея. Больше всех пострадали большевики, так как их вожди очутились либо в ссылке, либо в тюрьме. Наибольшие затруднения причинял вопрос о денежных средствах. Экспроприация в их кругу считалась ответственной, опасной, принципиально допустимой, неприятной партийной работой, от которой так же нельзя было отказаться, как от выступления на нелегальном собрании или раздаче прокламаций. Большевики организовали невероятно дерзкие экспроприации, неслыханные по своей смелости нападения и нашумевшие грабежи. Боевики именовали себя революционерами, но многие были просто бандитами, которые не имели ни малейшего намерения делиться своей добычей с партийной кассой. Зато они могли вволю грабить, стрелять и бунтовать. Эти примеры не остались без подражания, и количество бандитов в России росло в ужасающей прогрессии, так как поживиться под флагом революции можно было почти беспрепятственно [см. 10; 11; 12]. Эти причины небывалого в России увеличения числа заключенных официально признавались как основные [13, с. 211; 1, с. 40].

Таким образом, не политические, что, казалось бы, соответствовало духу времени, составляли основную массу сидельцев, а простые уголовники. Из 6143 ссыльнокаторжных, отбывавших наказание к 1 января 1909 г. в Сибири ⁴, по роду преступлений преобладали осужденные за убийство или покушение на убийство (2054 чел.), затем за разбой (861 чел.) и лишь на третьем месте за государственные преступления (584 чел.). При этом свыше 4000 чел., т. е. более 2/3 были осуждены в первый раз [14, с. 107]. Показательная статистика приведена М. Н. Гернетом в «Истории царской тюрьмы». По приблизительным подсчетам примерно 1/5 составляли политические

4 Имеющиеся статданные по этому предмету относятся лишь к ссыльнокаторжным, отбывавшим наказание в Сибири, так как данные, касающиеся ссыльнокаторжных, содержавшихся в тюрьмах Европейской России, включены в общие статистические ведомости о «движении и составе тюремного населения Империи» и не содержат материалов, необходимых для более подробной характеристики их состава.

заклученные; около 1/5 — одиночки, протестовавшие против невыносимых условий военного режима, гнета помещиков и капиталистической эксплуатации; 3/5 — заключенные, осужденные за тяжкие уголовные преступления [см. 15; 16, с. 24].

События этих лет внесли коррективы в работу Главного тюремного управления. Традиционными местами каторжных работ в России были Сибирь и о. Сахалин. Отголоском минувшей войны с Японией явилась отмена ссылки преступников на остров⁵. Сахалинская штрафная колония была упразднена. По данным отчета ГТУ, после отмены ссылки на Сахалин число мест для каторжан уменьшилось на 4800, число подсудимых, приговоренных к каторжным работам, возросло в 1906 г. с 2500 чел. (среднее количество за 1902—1904 гг.) до 5500. Причем в тюрьмах Европейской России к 1 января 1906 г. уже оставалось 1866 заключенных указанной категории [17, с. 7]. Отсутствие необходимого количества мест в каторжных тюрьмах Сибири вынудило ГТУ преобразовать некоторые исправительные арестантские отделения в Европейской России во временные каторжные тюрьмы, получившие название централов. Первыми из них стали преобразованное в августе Владимирское, а в октябре — Смоленское исправительные арестантские отделения вместимостью до 600 каторжан. В течение 1906 г. была переоборудована Московская пересыльная тюрьма, рассчитанная на 1200 каторжан, а в Петербурге под Временную тюрьму были реконструированы бывшие Дерябинские казармы на Васильевском острове. В результате было оборудовано 960 мест в общих камерах. Одновременно, после закрытия в 1905 г. Шлиссельбургской государственной тюрьмы, на ее месте шло строительство временной каторжной тюрьмы, рассчитанной на 100 заключенных.

Изменение карательной системы, выразившееся во введении военных судов, отразилось на увеличении численности каторжных. Мест в русских каторжных тюрьмах не хватало. Тогда был принят закон от 22 ноября 1906 г. о временной замене заключения в крепости другими видами лишения свободы для лиц, приговоренных к этому наказанию. Увеличение срока, в случае несоответствия условий отбывания наказания из расчета трех месяцев на четыре, вызвало резонанс в кругу юристов и тюремоведов, которые были обеспокоены осуществлением его на практике. Для буквального толкования закона необходимо было помнить о карательной цели всякого уголовного закона, однако, участь осужденного не должна быть отягчена наказанием выше содеянного только потому, что государство не обладает возможностью в данное время осуществить в отношении его определенную судом меру пресечения [18, с. 156]. В целях разъяснения ГТУ разослало циркуляр от 17 февраля 1907 г., который подробно регламентировал действие этого закона.

В 1908 г. число ссыльнокаторжных всех разрядов значительно увеличилось и составило к 1 января 1909 г. 20 936 чел. Из них в каторжных тюрьмах Сибири было размещено лишь около 6000 арестантов, остальные (около 15 000) содержались частично во временных каторжных тюрьмах Европейской России (Владимирской, Московской, Николаевской, Орловской, Псковской, Смоленской и Шлиссельбургской), частично в других местах заключения. В последних к 1 января 1909 г. насчитывалось заключенных каторжного разряда 10 702 чел. [1, с. 29].

⁵ Высочайше утвержденное 10.04.1906 г. мнение Государственного Совета «О прекращении дальнейшей ссылки преступников на Сахалин».

Разнородность состава заключенных, в связи с переполнением тюрем, не позволяла тюремной администрации в точности исполнять требования закона о размещении арестантов. Правильному размещению осужденных в тюрьмах общего заключения мешало и то обстоятельство, что за эти годы в них содержалось большое число каторжных в ожидании освобождения мест в существовавших постоянных и временных каторжных тюрьмах. Не представлялось возможным во всех случаях отводить хотя бы отдельные корпуса для политических заключенных, женщин и инвалидов [1, с. 36]. Кроме того, тюремные здания нередко подвергались разрушению во время волнений и беспорядков. Недостаточность тюремного финансирования определяла деятельность ГТУ и заставляла отказаться от строительства небольших уездных тюрем, заменяя их сооружением централов в крупных городах.

Вместе с тем оказалось необходимым урегулировать размещение в тюрьмах общего заключения и установить внутренний распорядок во временных каторжных тюрьмах. В циркуляре № 25 от 19 марта 1908 г. губернаторам было предложено размещать каторжных в местах заключения, представлявших наибольшие гарантии по предупреждению побегов и подавлению вооруженной силой предполагаемых беспорядков. Распоряжением № 61 от 9 августа того же года были установлены правила содержания каторжных во временно отведенных для их заключения местах.

В то время хулиганство грозило сделаться настоящим бедствием больших городов. Несовершеннолетних обоого пола, в возрасте от 10 до 17 лет, на 1 января 1906 г. содержалось в тюрьмах империи 549 чел. В 1906 г. поступило в тюрьмы около 3000 несовершеннолетних. Из них отбывало наказание в тюрьме в общих камерах совместно с взрослыми арестантами — 939 малолетних преступников [13, с. 213]. Вопрос о мерах борьбы с подростковой преступностью признавался весьма важным в отчетах о деятельности Бюро съездов представителей русских исправительных заведений⁶ [19, с. 777; 20, с. 740]. Однако не только финансирование, но и правовой статус исправительных учреждений для несовершеннолетних еще не были определены⁷.

Таким образом, тюремное население увеличилось в 1905—1907 гг. до небывалых размеров. ГТУ прибегало к временному приспособлению для размещения заключенных зданий, арендованных у частных лиц, к строительству бараков на территории самих тюремных учреждений. Для размещения арестантов переоборудовались мастерские, школы, хозяйственные и административные помещения при тюрьмах и даже пустовавшие ветхие тюремные постройки. Однако, несмотря на все принимаемые меры, общая вместимость имперских мест лишения свободы к концу 1909 г. определялась едва в 130 тыс. мест [21, с. 50]. Все это оказывало отрицательное влияние

---

⁶ Первый съезд представителей воспитательно-исправительных приютов России состоялся в 1881 г. Между съездами действовало постоянное бюро. Уже на первом съезде представители обратились к правительству с предложениями об определении особого правового статуса этих учреждений, правового положения подростков, отбывавших наказание в них, персонала, источников содержания. (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Делопроизводство 1. Д. 685. Л. 21—99.)

⁷ Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних было принято лишь в 1909 г. В подобных учреждениях, которых на тот момент в империи насчитывалось 53, в соответствии с установленными нормами, могли содержаться малолетние преступники, беспризорные и трудновоспитуемые в возрасте от 10 до 17 лет. (Отчет по Главному тюремному управлению за 1914 г. Ч. 1. Объяснения. Петроград, 1915. С. 136.)

на характер и систему исполнения наказаний, так как все внимание тюремного ведомства было сосредоточено на увеличении вместимости пенитенциарных учреждений. Несмотря на постоянное увеличение финансирования Тюремного ведомства (например, только в 1908 г. — на 3 502 000 руб.) положение не менялось [22. с. 439]. Для удовлетворения возникших потребностей необходимы были суммы в несколько раз превышавшие реальное финансирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет по Главному тюремному управлению за 1908 год. Ч. 1. Объяснения. СПб., 1910.
2. Извлечение из отчета по Главному тюремному управлению за 1906 г. // Тюремный вестник. СПб., 1908. № 3.
3. Обнинский, В. Десятью дней в одиночном заключении. Из тюремных заметок / В. Обнинский // Вестник Европы. СПб., 1909. № 8.
4. Куликов, С. В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в. / С. В. Куликов // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX вв.): материалы науч.-теорет. конф. 8—10 дек. 2003 г. СПб., 2004.
5. Звягинцев, А. Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры 1906—1917 / А. Г. Звягинцев, Ю. Г. Орлов. М., 1996.
6. Киевская газета. 1905. 3 ноября.
7. Киевский и одесский погромы в отчетах сенаторов Турау и Кузминского. СПб., 1907.
8. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 317. Оп. 1. Д. 3443. Л. 38; Ф. 442. Оп. 855. Д. 391. Ч. III. Л. 275.
9. Еврейская энциклопедия. СПб., 1908—1913. Т. 12.
10. Асад-бек, М. Сталин. Карьера фанатика / М. Асад-бек. Берлин, 1931.
11. Радзинский, Э. Сталин / Э. Радзинский. М., 1997.
12. Багиров, М. Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана / М. Багиров. Баку, 1952.
13. Лучинский, Н. Ф. Наши тюрьмы и их устройство, управление и порядок (по отчету Главного тюремного управления за 1906 г.) / Н. Ф. Лучинский // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1908. № 5.
14. Отчет по Главному тюремному управлению за 1908 г. Ч. 2. Приложения. СПб., 1910.
15. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. Т. 5 / М. Н. Гернет. СПб., 1907—1917.
16. Шлиссельбургская каторжная тюрьма и Орловский каторжный централ. М., 1956.
17. Отчет по Главному тюремному управлению за 1906 год. Ч. 1. Объяснения. СПб., 1908.
18. Ананьев, П. А. Об увеличении и сокращении сроков заключения, отбываемого осужденными вместо наказаний, установленных 4, 5 и 6 пп. ст. 2 уголовного уложения, в тюрьме при исполнении над ними судебных приговоров / П. А. Ананьев // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1908. № 9.
19. Отчет о деятельности Высочайше утвержденного Бюро Съездов Представителей Русских Исправительных заведений за 1905 и 1906 гг. // Тюремный вестник. СПб., 1907. № 10.
20. Отчет о деятельности Высочайше утвержденного Бюро Съездов Представителей Русских Исправительных заведений за 1907 г. // Тюремный вестник. СПб., 1908. № 10.

21. Лучинский, Н. Ф. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879—1914 гг.) / Н. Ф. Лучинский. СПб., 1914.

22. Тюремный вестник. СПб., 1908. № 6—7.

SUMMARY

The article are generalized the reasons which have led to substantial growth concluded in Russian prisons after events 1905. The first governmental actions on a way of the decision of this problem are analyzed.